

КОГНИТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАТЕГОРИИ «НАРОД, ПЛАТЯЩИЙ ДАНЬ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

У статті представлена спроба інтерпретації проблеми «свобода – рабство» за допомогою діахронічного аналізу концептуотворювальної лексики категорії «данина» (в основі якої знаходяться зоономінації), що відображає аксіологічні настанови східнослов'янського суспільства XI – XVII ст.

Ключові слова: східнослов'янська концептуально-мовна картина світу, категоризація, концептуотворювальна лексика, діахронічний аналіз.

Философские, психологические, исторические, социокультурные аспекты категорий, репрезентирующих морально-этические принципы социума определенного исторического периода, исследуются учеными различных научных направлений (Э. Бенвенист, Дж. Лакофф, Б. Рыбаков, Ю. Лотман, Б. Успенский, А. Гуревич, М. Попович). Лингвисты также пытаются пролить свет на эту глобальную проблему, изучая язык как средство представления когнитивных знаний (Д. Лихачев, Ю. Степанов, В. Топоров, В. Иванов, Н. Толстой, В. Кононенко, Е. Селиванова). Когнитивные исследования последних лет, касающиеся вопросов категоризации действительности, преимущественно относятся к синхроническому анализу фиксированных состояний категорий и концептов (Е. Кубрякова, С. Воркачев, Г. Слышкин, Н. Болдырев, З. Попова, И. Стернин и др.).

Сравнительно-исторический подход к изучению языкового материала, в частности концептообразующей лексики, позволяет через фрагментарное воссоздание когнитивно-языковой реальности картины мира определенного хронологического среза установить истоки сформировавшихся на сегодняшний день морально-этических понятий и категорий. Наше исследование является результатом философско-лингвистического осмысления эволюции категории «дань», получившей свое развитие в смысловом пространстве общевосточнославянской концептуально-языковой картины мира XI – XVII вв. Цель работы заключается в динамическом рассмотрении данной когнитивной категории через совокупность ее языковых диахронических репрезентаций. Сложность и многомерность категории «дань», в основе которой лежат разноплановые понятийные компоненты, предполагает привлечение в качестве исследовательского материала текстов памятников письменности донационального периода развития восточнославянских языков и исторических сведений.

В узких рамках статьи сложно показать всю тяжесть того груза, который взвалил на себя некогда, частично под давлением силы, частично добровольно, человек. Речь пойдет о категории «дань», которая имела в истории различные формы и была номинирована как обобщающими наименованиями (*жертвоприношение, дань, оброк, подать, пошлина, поклон* и пр.), так и конкретизирующими (*кунное, воловое, боровое* и т. д.). В современной экономической культуре в этой функции закрепился термин *налог*. В И. Даль, выделяя *налоги прямые, косвенные и чрезвычайные*, так определяет значение этой номинации: «подати, повинности деньгами или припасами, платежи, *налагаемые* на сословия, на торговлю, промыслы». Форма *налога* репрезентирует свою семантику «труд, тягость, тяжелая работа, напряжение, натуга; стар. *утеснение, гнет*» в таких паремиях, как *конь налогом берет, человек смиреньем, вол налогом берет (тянет), а конь урывом* (Даль II, 431), где четко прослеживается осознание параллели *человек-раб – рабочий скот*.

Дань (слово *дань* родственно др.-инд. формам в значении «дар, пожертвование», лат *dōtis* «приданое» от *дать*; ср. *дарить, дар, подать, благодать*) (Фасмер I, 484), изначально предполагала добровольное пожертвование, дарение. Полагают, что первой формой дани являлся обряд жертвоприношения, где объектами жертвоприношения языческим богам являлись люди, растительная пища, животные. Жестокое и неоправданное, с точки зрения современной морали, человеческое жертвоприношение со временем заменяется «оферованием» животных. Христианство, провозгласившее войну языческим богам, которые требовали человеческих жертв, само представило человечеству образец добровольного пожертвования – богочеловека, Агнца Божьего, Иисуса Христа. Образ Агнца, невинного ягненка, явился в этом случае снятием противоречия в тройном противопоставлении *Бог – Жертва – Человек* через *медиацию* («прогрессирующее посредничество» – термин К. Леви-Стросса) – замене одной оппозиции на другую, менее сильную. Ягненок (овца) со временем стал символизировать высшее проявление жертвенности. Кроме овцы, издавна ритуально востребованными являлись бык, вол, баран, козел, которых, как правило, сжигали в огне как символ очищения: *Давидъ не самому собѣ ку воли чинилъ, але подобно ку воли, затвердѣлому а упорному*

Жидовскому народови, которому и самъ Богъ ... розказаль былъ офэры паленые зъ барановъ, быковъ, воловъ и козловъ собэ, якобы на фалу а отводечы ихъ отъ боговъ поганскихъ (Пыт., 78).

Вопрос о размере той части дохода, которая забирается у человека властными структурами, является основным вопросом налогообложения в сфере экономики; касается он и проблемы формирования аксиологических установок общества в культурном контексте определенного временного среза. Критерии определения объема подати в истории экономических отношений были различны. По мнению великого мыслителя Ш. Монтескье, установление размера того, что забирает, и что оставляет власть населению, требует много мудрости и ума [3, с. 337].

Уже в Библии четко был определен размер добровольного пожертвования (имевшего в ветхозаветные времена две формы – жертвование за грех как его искупление и жертвование повинности как восстановление прав преступившего религиозный закон), которое со временем трансформирует свой изначальный смысл и превращается в принудительный налог: «... и всякая **десятина** на земле из семени земли и из плодов дерева принадлежит Господу» (Моис. Пятикн.). Так называемая «церковная десятина» в пользу церкви платилась славянами всех сословий и рангов. В «доход» церквям и монастырям уходила десятая доля от общей прибыли: *оуставилъ ієсмь святои Софьи, ать іємлетъ Пископъ за десятиною от вирь и продажъ .р. гривень, новыхъ кунъ* (Уст. Св. 1137 г.); *О недаване десетинны належачое зъ маетности Липска до церкви Липское, по сту золотыхъ польскихъ постановеного* (АВК I, 84. 1649 г.). Полагают, что денежный сбор *десятина* появился на Руси в XVI в. в результате трансформации *сборного* (сбор с приходских церквей и монастырей на содержание епархии архиерея) и других церковных пошлин: *благословенной куницы, куницы с оброком, явленной куницы* (плата духовенства за дозор грамот *десятиннику*) и т. д. [2].

Измерение доли мирской подати также часто имело форму *десятины* – десятой доли от доходов домашнего хозяйства, промысла, торговли и пр. (ср. *десятина (десятое) из рыбы, из хлеба, векша десятая*), что зафиксировано в письменности исследуемого периода: *по десяти взверциць; аще хоцещи по възкизъ, да мы возмемъ* (ПНЧ. XII – XIII вв.); *Да не дадоуть тоты люди ... ни дан ... ни подводу, ни десэтиною от бчол, а ни от свини* (Cost. II, 517. Нямц. 1454 г.); *собрано было съ торговыхъ и съ промышленныхъ и со всякихъ людей съ ихъ русскихъ товаровъ за десятую пошлину за денги соболми и всякою мягкою рухлядью ...* (ДАИ IX, 33. 1676 г.). Десятина долгое время была распространенной формой различных натуральных и денежных плат: *С песцов рослых и недопесков осенних и вешних битых ... имать десятая пошлина с промыслу по гривне с рубля* (Там. кн. Сиб., 339. 1689 г.). Др.-русск. *деся* связывают с индоевропейским корнем **dekmt* «две пятерки» (ср. гот. *handus* «рука») (Фасмер I, 508; ИЭССРЯ I, 245 – 246). Понятие «десять» телесно ориентировано на количество пальцев рук человека и поэтому является одним из самых архаичных примитивных понятий сознания (ср. др.-русск. новгор. *пятина*). Увеличение в дальнейшем размера подати, обозначенного Библией как *десятина*, в психологическом плане приводило к «когнитивному» дискомфорту, а в реальности к восстаниям и бунтам, которые жестоко подавлялись государственной машиной.

В современном обществе все работающие люди платят обязательный *подоходный налог* как один из видов основного налога физических лиц, определяемый государством. Известное выражение политического деятеля и юриста Т. Джефферсона «вводя подоходный налог, вы создаете нацию обманщиков» стало в сфере политиков и финансистов крылатым. Отношение к налогообложению населения всегда отличалось противоположными суждениями. Так, если известный экономист А. Смит считал, что налог для налогоплательщика – признак свободы, а не рабства, то задолго до него Ф. Аквинский утверждал, что налог – это дозволенная законом форма грабежа [7]. Таким образом, философский аспект налогообложения непосредственно связан с проблемой свободы и рабства человека в обществе. Решение этой проблемы зависит от нашего трактования того, что такое «свобода» и что такое «рабство». Если согласиться с определением свободы как «осознанной необходимости», то налог является осознанным добровольным «пожертвованием» граждан своему государству. Путь к этому осознанию являлся долгим и тернистым.

С самых давних времен дань, утратившую характер добровольности, платили пушниной, мясом и другими продуктами животноводства. Платила Русь, платили и Руси. В самых ранних летописях говорится о том, что князь Олег наложил на племя древлян дань по *черной кунэ* с человека. По сведениям академика С.Г. Струмилина, повинности Руси платили многочисленные северные племена: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимигола, корсь, норова, либь [8, с. 456–457]. С помощью дани временно примирялись враждующие стороны. Победителю, физически более сильному, платили за то, что он в дальнейшем не будет разорять и опустошать землю, убивать и забирать в рабство людей. По сути, это был откуп от насильника, дававший, как правило, недолгую передышку, признание того, что побежденные становятся

подданными, попадая в рабскую зависимость. По определению В. Даля, *дань* – это «подать, повинность, денежная или ясачная, оброк; *срочная плата покоренного народа победителю*» (Даль I, 423).

Основная тяжесть поборов ложилась, конечно же, на простых крестьян (*черных людей, смердов*) и горожан: *коли вси землзне имуть давати дань оу татары то серебро имють тако же ти люди дати* (Розов, 20. 1375 г.). Князь Владимир просит варягов подождать месяц, пока для них соберут *куны: пождэте даже вы куны сберуть* [1]. Стонал славянский народ и от поборов собственных феодалов: *Копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смърдь и своей дани* (Новгор. I лет., 167. XIII в.).

Интересен с психологической точки зрения контекст, представленный в «Хронике» М. Стрыйковского: ... *Мовечи, ижем ся я уже помстила смерти мужа своег, те а не хочу большог податку толко ми да́те тепер за дан по три голуби и по три вроби* (Стрыйк., 441б). Отомстившей за смерть мужа княгине Ольге не нужны материальные ценности, она удовлетворена мстью и требует символическую дань, демонстрируя свою силу и превосходство.

По свидетельствам Потапова А.П., в эпосе алтайских народностей нет слов *родственники* (*сородичи*) или *братья*. Таких людей называли *народ, платящий дань* [4, с. 33]. Этот факт очень показателен в плане языковой фиксации когнитивных категорий, определяющих жизнь народа. В одной из сибирских грамот с аналогичной семантикой представлено слово *кунный* – «народ, платящий натуральный оброк мехами»: *И тех де казаков нашли на тундре кунная самоядь* ... (Гр. Сиб. Милл. II, 200. 1607 г.).

С данью отдавали, дарили, наследовали имения и города: *так жь Бобруескъ вбэ половине и с данью и с землею* (ПГ I, 51. 1387 г.). Земли, с которых платилась дань, назывались *данными*, а люди, платившие эту дань, – *данниками*: *А се я Хведко Кословский ... светчю ... иж ... продал есми пану Андрушкоу Федоровичоу вечно данники з данью и со всеми податки и пожитки* (AS I, 69. Луцк. 1474 г.); *Павель держит две земли данньныхъ, даетъ съ тыхъ земль ... чотыри куницы* (КЗ, 169. 1490 г.); *вси тые люди, данные и поляницы, болкуновичину дають съ вола по три гроши* (КЗ, 167. 1497 г.). Существовало даже такое понятие, как *двоеданцы*, – «ясачные народы, платившие дань двум государствам – России и Китаю» (ср. *данничествовать, данничать* «быть данником, платить дань, будучи народом подвластным кому», *данщик* «сборщик податей») (Даль I, 413).

Все формы налогообложения рассматриваются нами как развитие категории «дань». Синонимами слову *дань* являлись многочисленные лексемы типа *поплатки, оброк, полюдное, подачка, подушное, подымное, поживотное, поклон* и др.: *а дастъ мнэ оброка на годъ 5 куницъ* (ДАИ I, № 8); *А тьи роботы и дани и поплатки имаеть робити и давати къ нашей потребизнэ* (АкЮЗР I, 6. 1408 г.); *съ тое земли дани даетъ копу грошей а полюдя 2 куницы* (КЗ, 169. 1490 г.). *Подачка* предполагала только натуральную дань: *а я кнззь Семен Юрьевич маю придати ку святому Иоанну к Голианом полумерокъ меду из людми и з грошми и зо всеми подачки оу вотчизне моей* (AS I, 89. Степань. 1489 г.) (ср. ряз.-кас. *дача* «подушное, оброк», пенз. *подачка* «кусочек со стола слуге»). Длительное существование денежно-натуральных расчетов отразилось в появлении термина *пополнок*, означавшего «придача, дополнение к денежной плате за покупку, часть покупной цены, уплачиваемой натурой». *Пополнок* выплачивался волами, жеребцами, лошадьми, меринами (АФЗХ II, 6 – 358. XV – XVII вв.).

Однако образованное от глагола *подати* (*подавати*) в значении «определять размер платы», слово *подать* (*податокъ*) как обобщающий термин для всех видов дани, казенных налогов вообще, оброков, подушных и поземельных сборов занимает ключевую позицию, номинируя соответствующий концепт. Податки платились тяглыми людьми как деньгами, так и натуральными продуктами: шкурками животных, мясом, хлебом и пр.

Многие названия единиц оклада, оброка, дани, сборов, податей были связаны с такими активными видами жизнедеятельности населения, как земледелие, животноводство (ср. *платить «по животам»*), охота, пушной промысел, торговля. В основе такого рода терминологии – наименования сельскохозяйственных и диких животных, птиц, рыб, игравших в жизни восточных славян особую важную роль и ставших названиями денежных единиц, пошлин (*куны, куницы, белки, векши, веверицы, горностальные деньги, соболиные деньги, яловичные деньги*), денежных оброков (*бобровое* (*бобровицзна*), *вепровицина* (северн. *боровое* от *боров* «самец свиньи», «свиная туша»; ср. *боровицк, боровник* «лицо феодальной администрации), *коневое* (*коневицина*), *подвода, куница выводная, куница новоженная, куница свадебная, деньги за белки, писчая белка, куры, лось, рыбное, сокольничье* (*сокольщина*), *яловица* (*яловицина*), феодальных и трудовых повинностей (*заяц, звати* (*поимати*) *людей на медведи* (*на лоси*), *ходити на бобры, ловицизна, волковицина*), натуральных оброков (*белка* (*бела, бель*), *кунный ясак* «натуральный налог, выплачиваемый мехом пушных животных», *голова*

свина, зад яловичей, яловицина, барановщина, лопатка баранья (говяжся), лосось, судак, масло коровье, мясо свиное, сокол, тетерев, рыба пятая (третья), кормити коня, кормити собак, кури (куря), курва свежая, лебедь, боров, голубь, лец (лецовина), лиса (лисица), куница шерстью), торговых и проездных пошлин (боровое, козица торговая, коневое (коневщина), пятнати коней, роговое, рыбное), судебных пошлин (куна перекладная, куна сметная, куница явленная с грамотою, писчая белка), системы денежных расчетов (скот, соболиный платеж, соболинное жалованье, соболина казна, кунная система (ср. кунное собрание «общественный сбор денег») и др. Ряд концептообразующих номинаций «меховой» денежной и налоговой системы восточных славян подробно рассматривался нами в ряде публикаций [5; 6].

Невероятное, с точки зрения современного человека, количество наименований пошлин отражало специфику взаимоотношений государства, властных структур с народом. Выбор терминов налоговой системы зависел от основных экономических и политических интересов властимущих. В государственной системе этого периода мздоимство, взяточничество через понятия «сбор», «пошлина», «поклон» и т. п. было узаконено и возведено в ранг обязательности: первоначальный компонент логической оппозиции *дать* подразумевал действие *взять*, что закреплялось в сознании с помощью различных средств вербализации. Так, «Статут» польского короля Казимира Великого гласил: чтобы обжаловать приговор, надо заплатить чиновникам, в зависимости от их рангов, мехами или изделиями из меха: каштеляну Краковскому горностаями, каштеляну Сандомирскому и Люблинскому белками или ласками, судьям Краковскому и Сандомирскому куницами, а подсудкам лисицами: *Колі хто нагани(т) алюбо наре(ч) сказанію старосты краковьска(г) имеешь емоу о(т)кладать лоупежмы гор(н)остаинными а старосте соудомирьскомоу а любобэ(л)скомоу ласицами соу(д)и крако(в)скомоу и соудомирьскомоу коуницами ...* (ВС, 30 зв. XIV – XV ст. – ССУМ I, 539). В одном из актов XVI в. говорится о таком виде побора, как *поклон*, который оплачен шкурой лисицы: *поклону его мсти пну войту через него послалемъ лисицу, которая коштовала петдесят грошей* (АВК XXXIX, 32. 1578 г.).

В древнерусском, а затем старорусском, староукраинском, старобелорусском языках долгое время функционировали общие наименования пошлин и повинностей, связанных с названиями конкретных животных. Мотивированность этих названий как неперемное условие ясности ситуации «за что платить» проявлялась через внутреннюю форму слова, которая достаточно прозрачна и на сегодняшний день. Приведем конкретные примеры.

Если говорить о специфике возникновения налоговой терминологии, то она непосредственно зависела от доминирующей сферы деятельности населения. Так, на юго-западе Руси с его сельскохозяйственной ориентацией, кроме общих названий пошлин, функционировали термины с прямым указанием на их принадлежность к земледельческой сфере и животноводству, в частности, на их связь с выполняющими тяжелую работу домашними животными, например: *воловица, подводное, подвода, ямицина, отводное, поконевицина (конем служить)*. За «милости» князя лошадьми «отслуживали» повинность на государственной службе: *Кому даст великий князь пустовщину, селицо посощинное ... съ того господарю конемъ служить и на пріездъ конь даетъ* (АЗР I, 69. 1459 г.). В «Собрании государственный и частных актов», говорится о службе конем, которая заменяет другие дачи (дани): *а нам ему и с той земли служить конем, а ишеи службы никотороу не знат, никотороу дачи, одно конем* (АВК I, 20а. XV в.).

Поконицина (поконевицизна) как денежный эквивалент за пользование лошадьми была одной из распространенных повинностей на территории Белой Руси: *Артыкуль 2. О поконевищичызне, листъ 88* (КПД, 100. 1554 г.); *врядникъ Косовский ... с повѣту Дорогицкого за листы господарьскими поконицину выбравши мель* (АВК XXII, 76. 1555 – 1565 гг.). От конской сохи, как и от воловой, в XVI в. собирали по 10 грошей: *... отъ коньское сохи ... по десети грошей ... мають давати* (КПД, 246. 1554 г.). Однако, *который чолвэкъ одною клячою у сохъ робить, абы платилъ яко отъ полсохи, то есть, 5 грошей* (АЗР III, 105. 1559 г.).

На юго-западе также существовала такая единица оклада, как *вол* (воловое. воловица): *вси тые люди, данные и поляници, болкуновщину даютъ съ вола по три гроши* (КЗ, 167. 1497 г.); *За тые вызволеные роботы и поседи [плата за аренду земли], съ которыхъ есьмо ихъ вызволили, мають намъ тые люди наши и куничьники, кожъдый з нихъ на кожъдый годъ отъ кожъдое сохи воловое по полукопью грошей давати* (КПД, 69. 1529 г.). *Воловица (воловое)* как вид сельскохозяйственной пошлины платилась «с сохи»: *Людей церковныхъ, которыхъ князь Иванъ Мстиславскій вызволилъ, къ посэвицинэ и воловицинэ и въ подводы и къ ишимъ поилиномъ тыхъ не привлацали* (АЗР II, 401. 1544 г.); *отъ сохи воловое десеть грошей, ... а отъ полсохи, то есть отъ одного вола, пять грошей ... мають давати* (КПД, 246. 1554 г.).

Существовавшие долгое время подати на домашний скот (или домашним скотом) тяжким бременем лежали на простом народе. Обилие наименований видов натуральных и денежных платежей поражает и свидетельствует об огромной важности расчленения в сознании и закреплении в языке отдельных понятий, связанных с конкретным животным, значимым в хозяйственной жизни человека и имеющим свой денежный эквивалент. Это связано с особенностями архаичного мышления, которое активно репрезентировало такие понятия с помощью языковых средств. Расчлененность понятия – обязательное условие образования и функционирования понятийного ядра диахронического (генетического) концепта.

В памятниках письменности четко прослеживаются механизмы перехода от «натуральной» налоговой терминологии к ее денежному выражению: переход от конкретных форм оплаты к абстрактным происходит с помощью длительного параллельного употребления названия пошлины и ее «металлического» эквивалента. В этот период входящие в сложные и составные названия денежных единиц наименования конкретных объектов платы были необходимы как переходный этап перестройки мышления и сознания человека, привыкшего знать, за что конкретно он платит.

Так, например, среди многочисленных составных наименований, в состав которых входила лексема *пеня(е)зи*, в юго-западной письменности зафиксированы *куничные пенязи* в значении «куничное» (*державъцамъ и тивуномъ, хто будетъ выбирати куничьные п(е)н(я)зи, по три п(е)н(я)зи мають имъ давати* – КПД, 69. 1529 г.) и *поконевские пенязи* в значении «плата за пользование лошадыми» (*абы его кролевская милость п(е)н(е)зи поконевськіе, што есте по копе грошей водле ухвалы соймоволе давали вамъ поварачати росказати рачыль* – КПД, 252. 1554 г.), отражающие важнейшие для белорусов сферы жизнедеятельности, указывающие на значимые для населения объекты хозяйствования, особенности юридическо-правовых отношений и пр. Этот механизм перехода имел характер системности и регулярности (ср.: *пенези гуменные, пенези житные, пенязи лянные, пенези медовые, пенязи неводничые, пенези отвозные, пенязи подводные* и т. д.).

Категория «дань», выражаемая в древнерусском языке большим количеством слов, в том числе и зоономинациями, постепенно сокращает количество своих репрезентаций, абстрагируя идею «налог». Необходимость репрезентации многих опытов посредством соотносимого одного целого появляется в связи с таким свойством абстрактного мышления как обобщение. Возникает потребность в универсальном термине для обозначения данной категории мышления. Совокупность соответствующих индивидуальных опытов, представленных в концептуально-языковой картине мира славян, формируется со временем в одну категорию мышления «налог» на основании наличия определенных характерных черт, являющихся общими для понимания этого процесса. Как следствие этого психологического феномена – ограничение семантического объема лексем, а затем утрата большинства номинаций. Однако, если фрагмент действительности не назван или утрачен языком, это не означает, что его нет в психологической реальности. Вся генетическая информация «оседает» в когнитивных механизмах памяти человека и «срабатывает» в соответствующей поведенческой ситуации.

Постепенное исчезновение конкретизирующих языковых репрезентаций категории «дань» приводит к семантическому сужению ее смыслового поля и еще большему абстрагированию. Прочно заложенная в сознание славянина необходимость платить, обусловленная экстра- и интралингвистическими факторами, постепенно переходит в потребность, невозможность не платить, а значит подчиненность, зависимость от того, кто обладает властью и деньгами (= силой), и означает позицию «отдавать, а не брать». Отношение к дани как неизбежной необходимости, и даже нахождение в этом явлении положительных моментов, желательности характеризует ментальность восточных славян: ср. *Дай Бог подати, не дай Бог просить. Дать – не устать, да было бы что. Лучше дать, нежели взять. Что Бог не даст, того никто не возьмет.* Иногда «воспитанная» веками привычка платить всегда и за все дает «сбой»: *Всяк хочет взять, а никто не хочет дать* (ср. укр. *ні дати, ні взяти, дати жити*; белор. *даваць у хамут, даваць у скуру* (возможно, первоначально: *даваць скуру* (шкуру)?) (Даль I, 412; СФСУМ, 162; СФБМ, 352, 353).

Изучение вопросов когнитивно-языковой категоризации действительности в диахронии позволяет достаточно объективно проанализировать процессы когниции знаний, накопленных человечеством на протяжении многих веков. Перспективность работы определяется ее вкладом в сравнительно-исторические и когнитивно-лингвистические исследования динамичных процессов формирования универсальных культурных категорий. Язык как способ репрезентации ментальности является тем инструментом, с помощью которого кодируется генетически важная информация, определяющая дальнейшую эволюцию народа. Изучение вербальной представленности концептуального пространства в диахроническом аспекте позволяет установить степень

социокультурной релевантности значимых категорий и концептов в истории, осмыслить специфику их развития в генетически единой культуре восточнославянского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евгунов, А.И. Взгляд на торговлю Древнейшей Руси / А.И. Евгунов // Современник. – 1848, № 8 (август) – С. 113 – 146.
2. Ксанф, М.Е. Органы епархиального управления в древней Руси / М.Е. Ксанф // Православное обозрение. – 1874. – № 6 – С. 51 – 55; № 7 – С. 177 – 178.
3. Монтестье, Ш. Л. Избранные произведения / [Общая ред. и вступ. статья М. П. Баскина] / Ш. Л. Монтестье – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 337.
4. Потапов, А.П. Очерки по истории алтайцев / А.П. Потапов – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1953. – 444 с.
5. Пруткая, Н.В. «Меховая» денежная система восточных славян в лингвистическом и этнокультурном аспектах / Н.В. Пруткая // Сборник IV Международной научной конференции «Скарына и наш час». – Гомель: ГДУ ім. Скарыны. – 2008. – 390 с.
6. Пруткая, Н.В. Опыт этнолингвистического описания зоонаименований пошлин в восточнославянских языках донационального периода / Н.В. Пруткая // Науковий вісник ХДУ. Серія «Лінгвістика»: зб. наук. праць. Вип. 8 – Херсон: Вид-во ХДУ, 2008. – С. 262 – 267.
7. Сміт, А. Добробут націй: Дослідження про природу та причини добробуту націй / А. Сміт – Port-Royal, К., 2001. – 592 с. – С. 505 – 559.
8. Струмилин, С.Г. Очерки экономической истории России / С.Г. Струмилин – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – 548 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- АВК** – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, т. I – XXXIX. – Вильна, 1865 – 1915.
- AS** – Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, t. I, 1366 – 1506, Lwów, 1887; t. III, 1432 – 1534, Lwów, 1890.
- АЗР** – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею: т. I – V. – СПб, 1846 – 1853.
- АИ** – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею: т. I – V. – СПб, 1841 – 1842.
- АкЮЗР** – Акты, относящиеся к истории Южной и западной России, собранные и изданные археографической комиссиею. т. I – XV. – СПб, 1863 – 1892.
- Бельск.** – «Хроника» М. Бельского н. XVII в. Рукопись ГПБ. F. IV, 688.
- Гр. Сиб. Милл.** – Миллер Г.Ф. История Сибири. – М. – Л., 1937 – 1941.
- ГСБМ** – Исторический словарь белорусского языка. – вып. 1 – 29, Минск: Наука и техника, 1983 – 2009.
- Даль** – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: т. I – IV. – М.: Русский язык, 1978 – 1981.
- ИЭСРЯ** – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1993. – т. 1 – 2.
- КЗ** – Литовская метрика. Книга записей. – РИБ, т. XXVII. – СПб, 1910.
- КПД** – Литовская метрика. Книга публичных дел. – РИБ, т. XXX, 1914.
- Cost.** – Documentele moldovenești Înaite de Ștefan cel Mare, publicate de Mihai Costăchescu, vol. I, Iași, 1931; vol. II, Iași, 1932.
- Новгор. I лет.** – Новгородская I летопись. Синодальный список / Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. – Л., 1950. – С. 13 – 100.
- ПВЛ** – Литовская метрика. Переписи войска литовского. – РИБ, т. XXXIII. **Пыт.** – «Вопросы и ответы православному з папежником» – РИБ, т. VII.
- Розов** – Южнорусские грамоты / Собр. В. Розовым: т. I. – К., 1917.
- Стрыйк.** – «Хроника» М. Стрыйковского XVII в. Рукопись ГПБ. F. IV, 688.
- ССУМ** – Словник староукраїнської мови XIV–XVст.: В 2 т. – К, 1977 – 1978.
- СФСУМ** – Сучасний фразеологічний словник української мови. – Харків: ТОРСІНГ ПЛЮС, 2008. – 640 с.

СФБМ – Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: У 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя Броўкі, 2008. – 672 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1986 – 1987. – т. 1 – 4.

Natalia Koch

Cognitive reality of the category «the people who pay a tribute» in the Eastern Slavs' language picture of the world

The article presents the attempt of interpretation of the problem «freedom – slavery» through diachronic analysis of concept-forming vocabulary of the category «tribute» (zoo-nominations are in its basis), that reflects axiological sets of the Eastern Slavs' society of the XI – XVII cc.

Key-words: the Eastern Slavs' conceptual-language picture of the world, categorization, concept-forming vocabulary, diachronic analysis.

Олексій Бумов

КОНЦЕПТУАЛЬНА МЕТАФОРА В ДАВНЬОАНГЛІЙСЬКІЙ ЗАГАДЦІ

Статтю присвячено аналізу концептуальних метафор в давньоанглійській загадці. Розглянуто механізм метафоризації та його функціональну природу. Окреслено базові домени, що стали джерелом метафоричних перенесень.

Ключові слова: загадка, концептуальна метафора, домен, геіштальт, реціпієнтна зона, донорська зона.

Давньоанглійська загадка є здебільшого коротким віршем, у якому адресат має визначити відповідний денотат-розгадку, зашифрований у метафоризованій формі. Загадки охоплюють досить великий обсяг тем і зображують найяскравіші реалії життя давньоанглійського періоду. Загадка як жанр художньої творчості не лише заохочувала читача сприймати світ в іншому ракурсі, а й сприяла його інтелектуальному розвитку та виконувала виховну функцію. Незважаючи на те, що давньоанглійська загадка часто мала в першу чергу розважальний статус, вона також була способом відображення довкілля та культурних традицій тогочасного англійського етносу.

У науковій літературі наявні чисельні дослідження загадки в її формально-семіотичному, тематично-змістовому та лінгвокультурологічному аспектах (Ю. І. Левін, С. Г. Лазутін, З. М. Волоцька, С. Я. Сендерович, Т. Грін, А. Тейлор, Е. Кьонгес-Маранда та ін.). Деякі дослідники давньоанглійських загадок (А. Тейлор, Дж. Портер, Р. Джорджес, А. Дандес та ін.) зосереджують увагу на їхній тематичній класифікації, описують їхній зв'язок із іншими фольклорними жанрами та висвітлюють семіотичну й логічну природу такого типу тексту.

Проте в названих дослідників розроблення проблем загадки має фрагментарний характер і не є комплексним. У сучасному мовознавстві виникає нагальна потреба дослідження продуктів усної народної творчості під кутом зору відтворення в ній етнічної свідомості, характеру народу, його культури. Загадка як семіотичний та культурний продукт відображає світогляд, спосіб мислення та культурні традиції. Здавна відповідь на неї «здебільшого визначала подальшу долю людини: її життя, смерть, добробут. Загадка мала іноді й ритуальний характер, а в сучасному світі вона перетворилася на предмет інтелектуальної розваги, гри, переважно дітей» [4, с. 206]. Навіть за наявності значного обсягу загадок спроба алгоритмізації процесу відгадування є не легкою, оскільки «саме на прикладі загадки можна виразно побачити усе свавілля людського мислення, зокрема мовного, та його небажання вкладатися в певні межі та рубрики» [2, с. 284]. Таким чином, актуальність дослідження зумовлена потребою вивчення давньоанглійської загадки як результату творчого переосмислення народом довкілля, внутрішнього досвіду людини в розрізі новітніх лінгвістичних напрямів та концепцій.

Мета статті – здійснити комплексний аналіз когнітивної структури давньоанглійської загадки на підставі опису механізму метафоризації та його функціональної природи. Ми вважаємо аналіз концептуальних метафор у давньоанглійській загадці першим кроком до більш ґрунтовного та усебічного вивчення англійської загадки в ракурсі когнітивних механізмів в етнічній свідомості носіїв мови. Матеріалом дослідження послужили 99 давньоанглійських загадок, вилучених із Інтернет-джерел [7], та матеріали тлумачного словника англійської мови Longman Dictionary of Contemporary English [8].